

В. Дяров

**ВИД
ИЗ ОКНА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Аяров

Вид из окна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69924394

SelfPub; 2023

Аннотация

Слишком уныло и однообразно проходила жизнь молодого бизнесмена. Привычные ежедневные заботы повергали его в депрессию. И он решил добавить хоть какой-то новизны в свое размеренное безрадостное существование. Замена обычного окна в кабинете неожиданно оказалась той самой психологической встряской, о которой он мечтал. Еще бы, ведь новое окошко таило в себе массу таких возможностей, которыми грешно было не воспользоваться.

Владимир Аяров

Вид из окна

Часть 1 – ВИД ИЗ ОКНА –

Программируемые окна!!!

Вас не удовлетворяет вид из окна? Фирма «Занескол» предлагает окна, где Вы сможете создавать виды на свой вкус. Пользуясь пакетом наших программ, Вы сможете приводить в движение объекты, действие за окном будет меняться по Вашему желанию. Задумайтесь, не надоело ли Вам смотреть на грязные двери соседних домов или на мусорные баки?

Установите наши окна и вместо грязи, неприглядности, убожества реальных улиц, Вы будете видеть ту картинку, которая сама по себе будет являться Вашим же произведением, плодом Вашей фантазии. За окном появятся звёзды или водопады, горные вершины или красивые города; если пожелаете, там будут плескаться дельфины.

Я не стал читать дальше и отложил рекламный буклет фирмы «Занескол» в сторону. Честно говоря, никогда раньше я не уделял особого внимания видам из окна. Я вообще не люблю смотреть в окна. Вернее, у меня на это просто нет времени. Целый день я держусь за трубку телефона, беседую

с клиентами и смотрю при этом либо на экран компьютера, либо на дверь своего кабинета.

У меня удобное офисное помещение в хорошем районе. Второй этаж добротного здания сталинских времён. Две комнаты, два телефона и компьютер, скромная мебель, сейф, – вот и всё, что нужно для работы.

Вторую комнату занимает Катя. Я взял её на работу, когда понял, что не справляюсь с тем потоком бумаг, который наша финансовая бюрократия обрушивает на головы терпеливых предпринимателей. Катя бухгалтер и секретарь, менеджер и консультант в одном лице. Она мне здорово помогает, она хороший специалист, и я за это ей хорошо плачу.

Может быть, для неё имеет значение вид из окна? Её комната выглядит уютнее, чем мой кабинет. Декоративные растения в кашпо, сплетённых из верёвок способом макраме, – они совсем не нарушают делового стиля, а своеобразно его дополняют. Удивляюсь её способностям: загружена работой, справляется с невероятным объёмом дел, но как-то находит время, чтобы полить цветочки, прибраться в офисе. Рядом с её столом стоит горшочек с миниатюрным деревом в стиле бансаи. Сразу видно, девушка обладает утончённым вкусом.

– Катя, тебе нравится вид из этого окна? – своим вопросом я оторвал её от заполнения счёта-фактуры.

– Не поняла, – честно призналась она.

– Допустим, поливая цветы, выглядываешь в окно – и как тебе вид?

Она заподозрила какой-то подвох и не торопилась с ответом, молча продолжала заполнять бланк, но заметив, что я терпеливо жду, кокетливо вздохнула и рискнула сказать так:

– Там нет ничего особенного.

– Как ты думаешь, вид из окна влияет на работоспособность, настроение или самочувствие?

– Не знаю. Возможно, влияет. Только я об этом никогда не думала. Да и что там можно увидеть? Где-то, может, есть красивые виды из окна, но у нас всё такое обычное, ничего удивительного.

– И то, правда, – согласился я. – Да, Катя, чуть не забыл, если сделка с

Вирбиновым состоится, можешь рассчитывать на премию.

Она едва заметно улыбнулась.

– Спасибо, я постараюсь не упустить этот заказ.

*

Я сидел в кабинете за столом и думал. Впервые думал не о приборах, не о компрессорах, не об электрооборудовании, не о тех привычных вещах, которыми занимался каждый день.

Думалось об окнах, о том, что можно увидеть из окна и, до какой степени виды могут влиять на состояние человека.

Ничего удивительного, – крутились в памяти слова Кати.

За нашими окнами нет ничего, что могло бы привлечь внимание, восхитить, вызвать чувство восторга. Всё привычно. Вот если бы там плескались дельфины, или прогуливались динозавры в экзотических лесах юрской эпохи. Что тогда? И к этому привыкли бы. Мы ко всему очень быстро привыкаем. Ко всему.

А если там развивается сюжет, происходит движение, действие, на которое влияешь сам в зависимости от своего настроения. Это интересно. Ещё лучше, когда не знаешь, что увидишь завтра за окном. Надоели динозавры – появляются гладиаторы. Специальная программа сама переключает виды. Надоел Рим – появился Египет. Надоело прошлое – вот тебе современность. А хочешь, можешь заказать будущее, фантастический сюжет, иные миры, инопланетян.

Я выглянул в окно: два мусорных бака, изрядно поржавевший металлический гараж, чумазое бесформенное здание напротив, где выделялся нелепого вида захламлённый балкон с веревками, на которых сушилось дамское нижнее бельё не особо привлекательного фасона.

Точно. Нет ничего удивительного и необычного. Когда выбирал помещение для офиса, меньше всего думал, что окна выходят во двор. Мой удел смотреть не на поток машин и пешеходов, не на переливы света в витринах магазинов, не на красочные вывески, а на то, что связано с буднями, иначе говоря, предстоит наблюдать бытовуху, изнанку, серую тоскливую повседневность.

Но ведь всё можно изменить!

Я признал, что занескольцы во многом правы, и решил заплотить их рекламный крючок. Захотелось установить у себя программируемое окно.

Позвонил им. Оформили договор. Работали они быстро и аккуратно. И вот уже в моём кабинете сидит грузный мужчина лет сорока – представитель фирмы – и объясняет назначение кнопок в блоке управления новым окном. Если быть точным, то окна в обычном понимании этого слова у меня нет. Вместо него в оконном проёме светится экран – не ярко, серым светом.

Консультант нажимает кнопочку, и на экране появляются жёлтые буквы на синем фоне.

– Здесь у нас перечень статичных видов, на базе которых вы можете развивать сюжет. Вот Ниагарский водопад. Если захотите, то какой-нибудь сумасшедший будет преодолевать его в бочке или на плоту. Вы не любите наблюдать картины самоубийств? Не обижайтесь, я шучу. Просто клиенты у нас, знаете ли, всякие встречаются, некоторые любят острые ощущения. Вид на Эверест. Восхождение альпинистов. Не хотите? Вид на Волгу. Не нужен? А вот Арктика: лыжники идут на полюс. Вот море, старинный парусник, вид на остров с пальмами...

– Понимаете, – прервал я его, – мне кажется, что вся эта экзотика уже не впечатляет. Подобные картинки можно видеть на обложках журналов, по телевизору такие сюжеты

крутят, чуть ли не каждый день. Пальмы, вершины, моря. Мне бы хотелось видеть что-нибудь простое и естественное. Современный город, например. Только город пусть будет по-симпатичнее нашего.

– Это не проблема. Есть виды Парижа, Лондона, Рима.

– Нет, я не хочу видеть реальный город. Пусть будет некий образ города. Просто город. Можно без названия. Вид на красивые дома, проспекты, фонтаны.

Он подвинул ко мне пульт и, мелькнув доброжелательными искорками в глазах, сказал:

– Фантазируйте.

Я неуверенно коснулся кнопки «старт». На экране возник оранжевый квадрат.

– Помогите, – попросил я, не зная, что делать дальше.

– Нажмите «селект».

– Где это?

– Здесь.

Я нажал – по экрану потянулся ряд слов.

– Выбирайте название темы. Допустим, город.

Я остановил указатель на слове город: замелькали виды разных городов.

– Задайте особые условия, – подсказывал консультант, – напишите, к примеру: город с белыми домами на фоне голубого неба. Введите задание. Подождите пару секунд. Вот ваша базовая картинка. Довольны?

– Не совсем.

– Понятно, картинка ещё не полная. Рисуйте дальше.

С помощью консультанта я создал на экране перекрёсток двух улиц. Угол белоснежного здания завил плющом. В самом здании я поместил магазинчик антиквара. Затем я слегка изменил цвет стен здания на тёмно-серый и по архитектуре приблизил его к стилю ампир. Улицы вымостил плиткой с причудливым рисунком – волнами. Долго думал над формой уличного фонаря, который собирался поставить перед входом в магазин, – остановил свой выбор на простом светящемся шаре.

– Кажется, на этом всё, – сдался я, – больше ничего не могу придумать.

– Кое-что у вас получилось, – успокоил консультант. – Со временем научитесь манипулировать программами, будете менять сюжеты каждый час, если захотите. Мы предлагаем целый пакет программ, около восьми тысяч вариантов. Это для начала. А вообще вы можете генерировать из каждой подпрограммы ещё до десятка тысяч вариантов. Выбирайте. Сочиняйте. Задавайте условия в своём вкусе. Вот здесь у нас есть люди; в этом блоке – характеры; вот внешний антураж, то есть одежда, обувь, автомобили различных эпох. К сожалению, у меня мало времени. Если что-то непонятно – читайте инструкцию. Если там непонятно – звоните мне. Я бываю по вторникам и пятницам с десяти.

Мы попрощались. Я положил инструкцию в ящик стола и вернулся к своим заботам. В суете дня я почти не обращал

внимания на вид за окном. Я быстро к нему привык. Мне стало казаться, что так было всегда, что это действительно настоящий вид из моего окна, а не какой-то экран с программой.

Как-то раз промелькнула мысль, не заказать ли мне островок с пальмами, – но возиться с программированием не хотелось, и я оставил всё как есть. Позже разместил прямо перед антикварным магазином дерево и поставил под ним скамеечку. Низкой ажурной решёткой отгородил тротуар от проезжей части. Нарисовал газетный киоск. Всё. Ни на что большее моей фантазии явно не хватало.

*

Я попытался ввести в программу людей. У меня это получилось без особых проблем. Затем подумалось: хорошо бы придать виду из окна какую-нибудь полезную функцию. И это удалось: я сделал своеобразные часы.

Ровно в двенадцать, когда начинался обеденный перерыв, на моей фантастической улице появлялся торговец пирожками. Я сделал его высоким, плотным, круглолицым, с тонкими чёрными усиками и совершенно лысым. Правда, лысину я решил прикрыть кепкой. Он катил перед собой белую тележку с крупной красной надписью: «Пирожки». Над тележкой клубился едва заметный парок.

Затем на улице появлялся автомобиль. Все типы и моде-

ли, что предлагала программа, я забраковал. Они выглядели слишком привычно: даже «Мерседес» 37-го года, даже «Форд» 19-го. Автомобиль я нарисовал сам. Ничего хорошего у меня не вышло, но, тем не менее, это был автомобиль, он медленно ехал по улице и отличался оригинальными формами. Меня успокаивала мысль, что как бы ни был он плох и несуразен, а всё-таки это я сам его придумал; кроме того, если он мне надоест, я всегда его могу переделать.

Конец рабочего дня мне захотелось отметить чем-то занимательным, сюжетиком с интригой. И я ввёл в действие образ девушки, – она без пяти пять выходит из антикварного магазина, садится на скамейку. Что она делала в магазине? Не знаю. Может, она там работает? Нет, слишком прозаично.

Лучше пусть она приходит туда специально, чтобы полюбоваться бронзовой статуэткой одной из античных богинь. Значит, без пяти пять девушка выходит из магазина, садится на скамейку, а я смотрю в своё окно и начинаю собираться домой. Ровно в пять я ухожу.

Что будет происходить с окном ночью? Интересно узнать, как-то при случае спрошу у консультанта, но сейчас меня больше волнует утро.

На время начала рабочего дня я создал такой сюжет: открывается газетный киоск, к нему подходит нищий поэт в клетчатом сильно поношенном пиджаке; за последние гроши бедняга покупает газету и в очередной раз убеждается, что его стихи не напечатаны.

Так я спланировал день за окном. Эта программа исправно работала неделю. Постепенно я стал вносить изменения в характер девушки. Точнее, я взялся за трудную задачу, пытаясь сформировать её характер, дополняя его разными деталями. Придумал ей больного отца. Он смертельно болен – это позволяет мне смотреть на девушку с некоторой жалостью.

Её внешний облик я создавал, естественно, по своему вкусу, приписывая своей виртуальной подружке те качества, которые я больше всего ценю в женщинах. Она получилась светловолосой, стройной, не слишком высокой; глаза у неё с лёгкой грустинкой; походка плавная без рывков. Она медлительна, задумчива.

Кто она по профессии? Ни я сам, ни моя программа так и не смогли найти достойный ответ на этот вопрос. Не делать же из неё официантку. Хотя лично я ничего не имею против официанток, но для девушки за окном такая профессия не подходит. На мой взгляд, для неё не годились и десятки других специальностей, которые содержались в перечне оконной программы.

Я хотел придумать что-нибудь необычное – не получилось. Пришлось оставить девушку без определённого рода занятий. Так даже интереснее. Появилась некоторая интригующая таинственность. Одно знаю: девушка увлекается искусством, живописью. Я так хочу, чтобы она этим увлекалась. Сделать её художницей? О нет! Не люблю. Они все та-

кие самоуверенные, занудливые. С ними тяжело. На мир, на природу, на людей они смотрят так, будто хотят всё перечеркнуть и нарисовать заново. Мне доводилось довольно часто общаться с художницами и, мягко говоря, я от них не в восторге.

*

Как сложно придумать имя для девушки!

Хотел назвать её Катей, в честь моей сотрудницы, но отказался от этой идеи, полагая, что у меня должно хватить фантазии, чтобы придумать более оригинальное имя.

Программа предлагала длинный список имён: от латинских до китайских, от древних до современных – я решительно отверг все. Стал сочинять имя перестановкой букв – ничего путного не получилось. Я думал почти двое суток. Два полных рабочих дня провёл в состоянии транса, перебирая в памяти имена. Решение нашлось в русско-английском разговорнике. В беспамятстве от нервного напряжения, я уставился в одну только фразу: ду ю спик инглиш? – где почему-то последнее слово привлекало особенное внимание. Изменив произношение, я получил «инглис», что счёл вполне приличным именем для девушки за окном. Итак, отныне её зовут Инглис.

Вот и всё. Теперь я спокоен. Работа завершена, и на душе полегчало.

Находясь в состоянии восторга, я поделился своей радостью с Катей. Со стороны я выглядел сумасшедшим, но меня ничто не смущало. Я настолько сильно был увлечён программой окна, что потерял чувство реальности.

На Катю новый вид из окна особого впечатления не произвёл.

– Красиво, – с невероятной грустью сказала она, когда я познакомил её со своим достижением.

– Тебе не понравилось? – с пристрастием допытывался я.

– Почему же, всё очень хорошо, – и Катя вздохнула так тяжело, что вынудила спросить:

– Что-то случилось?

– Звонил Вирбинов, он отказался от своей партии АИРов, – её деловой тон немного меня отрезвил.

Вирбинов чуть ли не самый крупный заказчик, он не мог без особых причин отказаться от партии электродвигателей в сто двадцать штук. В бизнесе случается всякое. Я понимаю, можно отказаться от какой-то части заказа, если вдруг изменились обстоятельства, но, когда клиент неожиданно отказывается от крупной партии изделий при уже подписанном и согласованном договоре – это ошеломляет.

– В чём причина?

– Сказал, что пока не нужны, возможно, купит их позже. Но мне показалось, он обиделся на вас за вчерашнее.

– А что было вчера? – спросил я, догадываясь, что за своими новыми заботами упустил что-то важное.

– Вирбинов звонил вам, но вы не стали с ним разговаривать и даже сказали что-то обидное, оскорбили его; после чего он перезвонил мне и сказал дословно так: передай своему чокнутому шефу, когда он протрезвеет, что я с вашей конторой не хочу иметь никаких дел.

– Странно, я ничего не помню.

– Вы вчера весь день были рассеянный, смотрели в окно, злились, если вас отвлекали.

– Я работал с программой. Придумывал имя.

– Понятно, – в голосе Кати слышалась нотка жалости. Она смотрела на меня так, как могут смотреть медсёстры на безнадежного больного.

– Что тебе понятно?

– Вы не обидитесь, если я скажу правду?

– Да нет же, говори всё, что думаешь.

– Мне кажется, вы очень одиноки, – познакомиться с живой реальной девушкой не можете в силу своего стеснительного характера, вот и придумали себе подружку.

Мне стало смешно. На моё увлечение новым окном Катя смотрела слишком по-женски. В самых простых и обыденных действиях она усматривала особый смысл, идею, причём не просто идею, а идею романтическую.

Честно говоря, я не считал себя одиноким и никогда не отнёс бы себя к разряду стеснительных людей. Я был доволен всем на свете: работой, собой, своей жизнью. Если бы я терзался одиночеством, то давно бы решил эту проблему.

– Кать, с чего ты взяла, что я одинок?

– Ну, вы не женаты...

– И только поэтому ты решила?..

– У вас и невесты нет.

– Может, у меня есть куча друзей и подруг.

– Я вижу, что у вас есть только деловые партнёры. А на женщин вы смотрите не как на, собственно, женщин, а лишь как на специалистов, профессионалов. Вот я... Меня вы воспринимаете только как бухгалтера – не более.

– А ты хотела, чтобы...

– Извините, я сравниваю вас с другими начальниками, с которыми доводилось встречаться. Знаете, почему я ушла с прошлого места работы? Мой начальник, наоборот, видел во мне женщину и только женщину. Ему было наплевать, что я специалист, что я много училась, что я полезный работник, что я человек, в конце концов. Он сразу выставил требование: приходить на работу в короткой юбке; он решал, какого цвета колготки мне надеть. Это ещё можно терпеть, но, когда он стал откровенно ко мне приставать, я не выдержала и ушла. Мой ревнивый жених всё порывался набить ему морду.

– Интересно, от меня ты что ожидала?

– Я просто хочу сказать, что вы другой. Прямая противоположность. Вы скованы, вы даже побаиваетесь женщин – я это заметила. Вам следует быть понахальнее, что ли, посмелее.

– Тебе не угодишь.

– Да не во мне дело. Ведь если вам понадобилась виртуальная девушка, это говорит о том, что есть проблема.

– Однако ты проницательна, – не скрывая сарказма, заметил я, – но, знаешь ли, я как-то не задумывался о своём одиночестве. Хотя тебе со стороны виднее. Спасибо за совет, непременно учту твои замечания.

Моя ирония от Кати не укрылась. Она и в самом деле проницательна. Сегодня эта проницательность меня раздражала.

– Катя, ты можешь идти домой.

– Вы обиделись?

– Нет, просто рабочий день закончился. Я тебя задержал, извини.

– А вы ещё не уходите?

– Поработаю, – ответил я сухо.

*

Задержавшись в офисе, я смог впервые наблюдать за тем, что происходит в новом окне после рабочего дня. Девушка некоторое время продолжала сидеть на скамейке. Но вскоре из-за угла появился великолепный «Понтиак» и подкатил к антикварному магазину. Из машины вылез парень лет двадцати на вид, он подошёл к скамейке. Инглис при этом поднялась и, парень, слегка наклонившись, чмокнул её в лоб.

Затем он её обнял, крепко прижав к себе, и что-то шепнул на ушко. Вот кого она ждала!

Но в моей программе не было даже намёка на этого парня. Откуда он взялся? Он её жених, любовник – кто он?

Они сели в машину, и через мгновенье «Понтиак» скрылся из виду. Улица опустела. Я предполагал, что такой вид установится до утра, до появления нищего поэта перед газетным киоском. Но я ошибся.

Буквально через минуту после исчезновения Инглис и её кавалера на улице появился дворник с огромной метлой. Своим видом он напоминал дворников начала двадцатого века. На нём был длинный фартук из плотной ткани, фуражка с кокардой, на шее болтался свисток. Он был невысок и, вероятно по этой причине его метла казалась такой большой. Уверенными размашистыми движениями он принялся мести улицу в промежутке между газетным киоском и антикварным магазином.

Получалось, что в оконной программе кое-что появляется без моего ведома. Я срочно позвонил в «Занескол».

– Кто ваш консультант? – в первую очередь поинтересовались там, и я постарался как можно точнее описать внешность своего консультанта, сожалея, что не узнал его имени.

– Это Боря, – ответили мне, – но его сейчас нет. Что у вас случилось?

– Моя программа, мой вид из окна живёт своей жизнью. Происходят события, которые совершенно не предусмотре-

ны программой.

– Иногда бывают сбои, – спокойно пояснил мой собеседник и пообещал, что консультант придет ко мне завтра.

Утром я беседовал с Борей.

– Что вас не устраивает? – спросил он после того, как просмотрел программу в ускоренном режиме.

– Понимаете, тут есть такие сюжеты, которых не было в первоначальном варианте, они возникли сами собой.

– И что вас удивляет?

– Вот именно это и...

– Всё правильно. Вы задали условия, сочинили сюжеты и привязали действие по времени с восьми утра до пяти вечера. Программа выдаёт вам тот вид, какой вы хотели. Дальнейшее время, то есть вечер, ночь и раннее утро вы никак не оговаривали, а значит, программа работает произвольно и предлагает разные варианты развития действия. Если хотите что-то изменить – меняйте. Что не устраивает? Девушка, я понял, задана вами. Оставим. Дальше у нас автомобиль. Задан в противовес вашему, который проезжает по улице днём. Молодой человек – это водитель. Кстати, вы никогда не замечали, что ваш дневной автомобиль едет без водителя?

– Не замечал.

– Смотрите. Вы его нарисовали, запустили, он поехал, но вы забыли посадить туда водителя. Видите?

– Действительно.

– Забыли. Такое случается. Но программа сама нашла сво-

бодный объём памяти, подобрала образ и характеристику, дополнила ваш сюжет и создала водителя.

– И этот водитель близко познакомился с девушкой?

– А что?

– Да странно как-то получается.

– Что же тут странного, смешной вы человек? Если на всей улице только одна девушка и только один парень, то рано или поздно, так или иначе, они познакомятся. Простая логика. Она и он. Каждый день они видят друг друга.

– Как всё просто!

– Конечно. А вот если бы они не познакомились, тогда, согласен, было бы удивительно. Но вероятность такого исхода очень мала, поэтому случилось самое простое и естественное: молодой человек познакомился с юной девушкой. Я просто не понимаю, чему тут можно удивляться.

– А дворник откуда?

– В этом случае можно предполагать всякое. Я думаю, программу нашу понять можно. Задавая условия, вы употребили слово «шикарный» для характеристики улицы. Потом создали нищего поэта. Программа усматривает в этом некоторое противоречие – нищий поэт на шикарной улице. Спорить она с вами не спорит, но предложила вариант; считает, что поэт может заработать денег, если станет дворником.

– Интересно, а помочь поэту с публикацией стихов программа не могла?

– Видимо, это оказалось значительно сложнее. Она созда-

ла дворника, чтобы показать одну из возможных профессий для поэта. Могут появиться и другие варианты. А то, что дворник получился именно таким, скажем, колоритным, то просто вы где-то намекнули на соответствующую эпоху. Так и есть, смотрите – вывеска над магазином.

– Что с ней?

– Ничего особенного. В программном каталоге она привязана ко второй половине девятнадцатого века. Она вам понравилась, вы её прилепили, тем и заказали дух эпохи. Будете менять?

– Что менять?

– Сюжет, вывеску, остальное.... Для чего вы меня вызвали?

– Знаете, – смешался я, чувствуя неловкость перед Борей, – пожалуй, ничего менять не стоит. Оставим всё как есть. Спасибо вам за объяснение, извините за беспокойство.

– Как знаете. Нет, так нет. И я вас понимаю – вам хочется посмотреть на дальнейшие события.

– Вы угадали.

–Я же говорил, что наши окна – штука увлекательная.

Борис на секунду задумался, а потом резко, каким-то холодным тоном, неожиданно для меня выпалил:

– Должен предупредить, что некоторые наши клиенты увлекаются слишком сильно, забывая всё на свете. И тогда разоряются фирмы, рушатся семьи. Хочется верить, что с вами такого не случится. Мой совет: держите себя в руках.

*

Работа не ладилась. Один из моих клиентов просил найти для него контроллеры для электровозов. Это дело обещало хорошую прибыль. Контроллеры редкой серии, такие трудно найти. Я обшарил всю сеть «Интернет», нашёл поставщика, но моего клиента не устроила цена.

Кроме того, у меня сорвалась ещё одна многообещающая сделка: пришлось вернуть деньги за восемь редукторов РЦД, которые уже купил один крупный комбинат, но оказалось, что нужен был другой тип редукторов.

Задумываясь над цепью событий последних дней, я приходил к выводу, что мне изменила Фортуна. Кругом сплошная невезуха, – так говорил мой институтский приятель, когда проваливал второй экзамен подряд. Я же за две недели провалил шесть сделок, это если не считать неудачи с контроллерами. С ними, правда, ещё не всё потеряно, что-то можно сделать, но желания работать уже не было.

Я сдался. Ничего не хотелось. Всё казалось бессмысленным и бесполезным. Я перестал верить в удачу. В душу закрадывалось чувство непреодолимой тоски. Сознанием овладела абсолютная апатия. Забросив дела, я уставился в окно. Вид моего города не принёс успокоения, – только новое беспокойство. Вспомнился этот водитель, ухаживающий за Инглис. Наверное, редкий мерзавец, – почему-то мне ка-

залось именно так. Нахальный, хитрый – какой ещё? – вероятнее всего, он бабник. Погуляет с девушкой – бросит.

Меня беспокоила судьба Инглис. Ещё бы! Это я её придумал, я её создал, вызвал к жизни, – и как же за неё не беспокоиться. Этот пройдоха каждый день на моих глазах её куда-то увозит. Они вместе проводят вечер.

Что они делают? Пьют, танцуют, разговаривают. Может, у них общие интересы, вдруг этот парень увлекается живописью, и тогда они сидят в каком-нибудь кабачке и мило беседуют о картинах, красках и художниках. Возможно, им хорошо вместе.

Так стоит ли мне волноваться?

Но ведь это меня и бесит, что Инглис увлеклась парнем, что им хорошо. А я при чём? В том то и дело, что я здесь совершенно лишний человек. Конечно, я могу всё прекратить, зачеркнуть, выключить. Я хозяин программы. Нажму на кнопку – и не будет больше моя Инглис выходить из магазинчика, не будет к ней подруливать хахаль на своём драндулете; а вместо моего симпатичного городка вновь засветится оранжевым светом простой и пустой прямоугольник.

Сделать бы так, но чувствую, что рука на это действие не поднимется. Слишком привык я к этому виду. И не только в привычке дело. Просто я не могу себе позволить совершить убийство. Ведь отключить программу окна сейчас, когда в ней появилась характерная для реальной жизни непредсказуемость, равносильно убийству как самой программы (я

уже начал воспринимать её как нечто живое), так и людей, которые жили в программе (я их считал вполне реальными).

Я должен остаться лишь наблюдателем. Так я решил для себя, так определил свою роль. Но смогу ли я выдержать и не вмешаться в ход событий. Не знаю. Будет очень трудно.

Мне захотелось увидеть свой город изнутри. Сумасбродство, но я хочу побывать там, проникнуть туда. Хочу войти в тот магазинчик, где бывает Инглис. Хочу поговорить с ней. Интересно, какой у неё голос? Кажется, в программе не было никаких особых условий для голоса, поэтому я могу ожидать любого. Думаю, оконная программа подарила такой прелестной девушке чистый и звонкий голос, который свойственен людям мечтательным и творческим.

Она будет говорить со мной с тёплой нежной интонацией, слегка склонив голову набок, изогнув контур губ в симпатичной полуулыбке. Мы будем с ней болтать обо всём на свете, то и дело, перескакивая с одной темы на другую. Окажется, что она очень любит импрессионистов, и мы станем играть названиями картин и повторять имена художников: Моне, Дега, Энгр, Сезанн, Мане.

Она будет весела, улыбчива, ей будет интересно меня слушать; я замечу, как в её глазах маленькими искорками засветится любопытство.

Люблю, когда девушки смотрят с любопытством. В таких взглядах есть живительная сила, есть интерес, радость. Эти взгляды обычно полны кокетства, но как они украшают де-

вушку!

Мне очень хотелось попасть в свой фантастический город, и стало безумно грустно от мысли, что я никак не смогу на практике реализовать своё желание.

*

Я снова вызвал консультанта Борю. Коротко рассказал ему о своей мечте.

– Так и знал, что этим кончится, – сказал он как-то уж очень тускло и буднично, словно моё желание попасть в несуществующий город не было для него неожиданным, – клиент покупает окно, сначала несмело его программирует, потом увлекается, любитесь видом, не хочет ничего менять. Затем он стремится попасть туда, в тот мир, который сам создал.

Борис говорил быстро, я никак не мог уследить за его мыслью, поэтому плохо его понял. Свой скоротечный монолог он завершил фразой:

– Услуга будет стоить порядка половины стоимости окна.

Вообще-то я вызвал Борю, чтобы успокоиться. Я ожидал, что он станет объяснять мне принцип работы программы и в конце концов убедительно докажет невозможность моей затеи: попасть в свой город я не смогу ни при каких обстоятельствах. Меня бы это отрезвило. От специалиста, от представителя фирмы я хотел услышать слово «невозмож-

но». Как знать, может, именно это слово и вернуло бы меня к прежней спокойной и уверенной жизни.

Но я слышу речь о стоимости услуги, как будто дело происходит в магазине, и продавец, взвесив кусочек сыра, называет мне цену.

– ...Это за основную часть работы по программированию, а потом вы будете вносить небольшую плату за каждый месяц.

– Послушайте, – прервал я Бориса, – если я правильно понял, вы можете обеспечить посещение города?

– Естественно, могу обеспечить.

– Но как же..., как это сделать?!

– Введём вас в программу – вот и всё решение проблемы.

– И я смогу существовать внутри окна?

– Так, давайте по делу, а то вы слишком эмоциональны, мы теряем время. Когда вы хотите войти, прямо сейчас или позже? Спрашиваю, чтобы знать, какой выбрать режим. Если пойдёте сейчас, то я сразу вас введу; если позже, то я всё подготовлю, а вы потом включите свою часть программы сами.

– Я бы хотел войти туда приблизительно в пять вечера.

– Значит, пойдёте сами, не буду же я торчать здесь до пяти.

Боря уселся за пульт управления и занялся своим привычным колдовством. Он изменял программу. Перехватив мой обеспокоенный взгляд, пояснил:

– Не волнуйтесь, ни ваш замечательный поэт, ни бравый пирожник, ни этот элегантный автомобиль – ничто не страдает.

– А девушка? – спросил я и тут же об этом пожалел.

– Ах, вот в чём дело, – ухмыльнулся Боря, – сдаётся мне, что она и есть виновница вашего порыва к путешествию за окно, так ведь?

– Не совсем так.

– Можете не объяснять, меня это не касается. Причуды клиентов нашу фирму не волнуют. С девушкой сложнее. Я вижу, вы пытались создать человеческий характер, понаприписывали девушке всякие качества, какие ей, может быть, ни к чему. Особенно мне понравилось это – лёгкая инфантильность. Что вы хотели сказать? Возможно, вы подразумевали что-то конкретное, но программе будет трудно понять ваш замысел. Боюсь, она не сможет отличить лёгкую инфантильность от тяжёлой, если таковая вообще существует. Вы многое усложнили и запутали. Я ничего не изменяю. До пяти вечера девушка остаётся такой, какую вы задали, но в промежутке с вечера до утра она может меняться как угодно, и тут я ничем не помогу. И вот что странно, девушка видна всего лишь восемь минут, а произвела на вас такое впечатление, что вы готовы ради неё лезть в окно.

– Я не ради неё...

– Всего восемь минут она работает в программе, – не слушая меня, продолжал Боря, – а всё остальное время, почти

двадцать четыре часа, она предоставлена самой себе, вернее, тем вариациям, которые выкинет с ней программа. Вы не боитесь разочарований? Если что не так – возвращайтесь немедленно. Кстати, я вас программирую таким образом, чтобы вам легче было вернуться. А то у нас просто беда с клиентами, которые не хотят возвращаться, ссылаясь при этом на трудности ввода программы возврата или на неточности в ней. Нам приходится применять силу, возвращаем их принудительно. Люди забывают, что все удовольствия стоят денег. Посещение такого законного логического пространства требует больших затрат. Не думайте, что сможете остаться там навечно. Был у меня один такой клиент...

Я терпеть не могу нравоучений. А Боря, судя по всему, собирался прочесть нечто подобное. Сейчас он станет играть роль воспитателя, начнёт учить меня правилам хорошего тона, будет рассказывать, как мне вести себя в своём городе. Я поспешил сменить тему.

– Борис, а каким образом я попаду за окно?

– Долго объяснять, потом сами увидите и поймёте.

– Но я ведь имею право знать.

– Хорошо, попробую рассказать, как смогу. Дело в том, что между нашим, так называемым реальным миром, и между теми, которые мы способны выдумать, существует логическая связь. По большому счёту все наши выдумки являются составной частью реального мира. Как правило, они оста-

ются внутри нашего сознания, но иногда мы их можем воплотить. Допустим, вы хотите построить дом. У вас есть замысел, проект, вы можете воплотить его в материи. Вы строите дом, и ваша идея становится осязаемой. Примерно то же самое происходит, когда вы программируете наше окно. Вы создаёте модель мира, воплощаете его в программе, запускаете в автоматическом режиме, – и вот этот маленький мирок существует сам по себе, уже не зависит от вашего сознания. Вы хотите в него проникнуть. Почему бы нет. Я задам в программе параметры вашего тела и задействую объём памяти достаточный для того, чтобы вместить всю информацию, которую может содержать ваш мозг. Когда вы захотите попасть в тот мир, вы просто подключите свой реальный мозг к тому объёму памяти. Таким образом, будет воссоздана голова вашего нового тела. Управлять собой вы будете отсюда. Ваше реальное тело лежит или сидит в этом кабинете, вы спите, на голове – датчики, в руках – пульт; а там, в своём виртуальном миреке, вы бодры и довольно резво передвигаетесь. Что ещё? Захотите обратно – сделаете вызов программы возвращения, она сработает, и вы здесь проснётесь, а там просто исчезнете, словно испаритесь.

– Понятно.

– Вот и хорошо, что понятно. А то я думал, что сейчас последуют дурацкие вопросы.

– Вы сегодня не в духе, Борис.

– А что, заметно? Вы правы – не в духе. С женой на грани

развода.

– Бывает. Правда, мне трудно об этом судить.

– Не женаты?

– Нет.

– Счастливый человек. Хотя как сказать, у вас всё впереди: обманы первых впечатлений, иллюзии, пустые надежды, мерзость свадебных обрядов и дальнейшее разочарование.

– Вы меня пугаете.

– Не пугаю – предупреждаю. Советую, старайтесь не жениться как можно дольше.

Похоже, Борю опять заносило на нравоучения, чтобы их избежать, я спросил:

– А почему ваша фирма рекламирует окна и совершенно не упоминает о возможности их посетить?

– Окна рекламировать нужно, иначе о нас никто не будет знать, а вот всё остальное – зачем? – когда клиенты и так просят устроить путешествие в свой выдуманный мир. Вот вы, например, прочитали рекламу, установили окно, поиграли с ним, а потом созрели для посещения. И представьте, если бы вам с самого начала сообщили о такой возможности, что бы вы сделали? Не поверили, отказались, – это вероятнее всего.

– Логично.

– Итак, кем вы хотите стать в своём городе?

– В каком смысле?

– Ну, профессия, ваше влияние, значение. Словом, лич-

ный статус. Может, сделать вас мэром? Вы ведь всё-таки основатель города, вам бы подошло.

– Не надо мэром, обойдусь, лучше я останусь самим собой.

– Если так, то и проблем почти никаких. Вот вам комплект датчиков, пульт, разъёмы, – сейчас покажу, как вы будете входить в программу.

Задача сводилась к нажатию четырёх кнопок на пульте. Я записал и заучил последовательность. Боря предупредил, чтобы я поаккуратнее обращался с аппаратурой, затем пожелал успеха и простился, не забыв упомянуть, что счёт фирма пришлёт завтра утром.

*

Спокойно работать я уже не мог. Ждал пяти часов. Смотрел на часы, выглядывал в своё программируемое окно, любовался городом и мысленно переносился туда, на эти улицы, к тому антикварному магазину, на ту скамейку.

Все дела я перепоручил Кате. Она вела переговоры с клиентами и заключала сделки. В половине пятого я сказал ей, что остаюсь в офисе на всю ночь, попросил, чтобы она не забыла закрыть дверь снаружи.

– Хорошо, – тихо отозвалась она, – я не забуду.

– И ещё, – я хотел было сказать ей о своём предстоящем визите в законный город, но побоялся, что она меня непра-

вильно поймёт.

– Что? – Катя ждала продолжения моей мысли, а я никак не мог подобрать подходящего варианта.

Зачем я вообще её вызвал? Сказать, что остаюсь. Нет, не только для этого. Я хотел её удивить. Я был бы рад, если бы эта русоволосая девушка, вскинув брови, подняла бы на меня свои большие глаза полные испуга и любопытства. Ждал, что она спросит: «Вы остаётесь на всю ночь, но что вы будете делать?» И тогда я небрежным тоном сообщил бы о своём замысле. И пусть бы она охала или ахала, восхищалась или изумлялась, то есть как-нибудь реагировала на мои слова, а не стояла этакой мраморной статуей.

Наше молчание затянулось. Я не ответил ей. Не знал, что сказать, о чём ещё попросить. Она стояла посреди кабинета, опустив глаза; в этот момент она была похожа на школьницу, которая не выучила урока, стояла у доски со страхом, что ей вот-вот поставят двойку.

Возможно, это правильная реакция? Её вызвал шеф, он что-то хочет, но сам не поймёт, чего же именно, и она смиренно ждёт распоряжений.

Меня почему-то злило это смирение. Особенно сегодня, сейчас, когда я готов совершить необычное – отправиться в придуманный город. И от Кати я хотел каких-нибудь удивительных поступков, чего-то смелого, экстравагантного.

Я всмотрелся в её лицо и отметил, что она красива. Не просто привлекательна или симпатична, а по-настоящему

красива. Раньше я об этом как-то не думал. Или не замечал, не обращал на неё должного внимания.

А какой-то начальник – она говорила – приставал к ней на прошлой работе. Интересно, как он это делал? И что вообще подразумевают женщины, когда говорят о приставаниях мужчин? Вот стоит Катя, такая доступная, такая послушная и смиренная. Значит, точно так же она могла стоять и перед тем начальником. А он, как мужчина, как истый самец, приближался к ней, трепал за щёчку, запуская руку под её элегантную чёрную юбочку с небольшим разрезом и двумя пуговками на боку.

Легко вообразить, что он делал дальше, да и что там воображать, – словом, приставал он к ней. А вот что делала она, как на эти приставания отвечала? Не дралась же она с ним, но как-то всё-таки сопротивлялась; ей не нравилось, она была не в восторге от грубого и пошлого внимания своего начальника.

Я к ней не пристаю и не собираюсь. Только сейчас заметил её привлекательность. Раньше не присматривался. Она, кажется, на меня за это обижалась. Когда человек намерен совершить поступок, странный с точки зрения посторонних и не совсем понятный для себя, он склонен искать моральную поддержку от кого-либо. Важно с кем-то поделиться мыслями, настроением; важно узнать оценку своим действиям.

Если человек говорит, что ему наплевать на общественное мнение – я не верю. В любых делах люди ориентируются на

мнение других людей, вне зависимости от того, похвала ли это или осуждение.

От Кати я никакой поддержки не добился. Даже когда я во всех красках описал ей свою идею, признался, что собираюсь переночевать в программируемом городе, – она осталась равнодушной.

– Если возникнут непредвиденные трудности, я позвоню консультанту, – такова её реакция на мой восторженный монолог.

Не было смысла терять время; отпустив Катю домой, я стал готовиться. Вспоминая советы Бориса, я возился с аппаратурой. Честно говоря, понять, как эта система будет работать, я не мог.

Тупое выполнение инструкции меня не просветило. Но я доверял мнению специалистов и в хитросплетении проводов старался увидеть дорогу в программу загадочного образования, которое сияло на моём окне видом великолепного города.

Некоторое время я находился где-то вне пространства. Чувствовал, что я существую, что я жив, но кроме этого чувства самосознания, не было никаких других впечатлений. Ничего не видно, ничего не слышно, нет никакого движения. Появилось чувство страха, нарастая постепенно, оно захватило моё сознание целиком. Я весь превратился в непреодолимый страх.

Осталась одна мысль: вернуться обратно. Поэтому появ-

ление проблесков света и неясных очертаний предметов, я воспринял как возвращение.

Но я был в городе. Я узнал улицу по форме тротуарной плитки и по вывеске антикварного магазина. Мечта сбылась, но радости я не испытывал. Я вошёл в город слишком поздно.

Инглис уже не было. Злосчастный водитель опередил меня. Как обычно, он увозил её в неизвестном направлении.

*

Никогда бы не сказал о себе, что умею быстро привыкать к новому. Трудно схожусь с людьми, не люблю менять привычки, работу, обстановку. Я неисправимый консерватор. Несмотря на свою молодость, я держусь за старое, привык почти ничего в своей жизни не изменять, мне так спокойнее и удобнее.

Желание поменять вид из окна – поступок для меня вообще-то не свойственный. И ещё не могу понять, как могло у меня созреть такое сумасбродное желание – отправиться в мнимый город.

Но ещё более удивился я самому себе, когда понял, что в считанные секунды освоился в этом городе. Всё казалось привычным, знакомым. Здесь всё настоящее, осязаемое. Могу дотронуться до скамейки, где обычно сидит она, моя Инглис. Могу войти в магазин антиквара.

Интересно, есть ли там продавец? В программе о нём не упоминалось. Если он есть, то каков он из себя? Любопытно.

Видимо, это любопытство как-то отразилось на моём лице, потому что седенький сгорбленный худощавый старичок, оказавшийся антикваром, так и спросил, когда я вошёл:

– Что, молодой человек, любопытно посмотреть?

Он сидел на мягком старинном стуле. Я совершенно не разбираюсь в стилях, когда дело касается мебели, но, кажется, на подобных стульях могли в своё время воссесть придворные короля Людовика XV. Надо сказать, магазинчик выглядел роскошно. Кроме статуэток, старинной посуды и мебели, здесь был целый арсенал: сабли, шпаги, pistols.

Старик прав. Я зашёл сюда только для того, чтобы посмотреть. На магазин, на товар, на самого антиквара. Я ничего не куплю. Он это видит сразу.

Во всех антикварных магазинах посетители не столько покупают, сколько смотрят. Люди приходят, чтобы почувствовать себя на перекрёстке эпох, подержать в руках живое время. В музеях не так. Там не спросишь, ткнув пальцем в экспонат: сколько стоит? Да и до самого экспоната не дотронешься.

И всё-таки я зашёл не просто посмотреть. Имею право поторговаться, ведь нахожусь в магазине, а не в музее. Схватив первый попавшийся пистолет, я спросил:

– Сколько вы за него хотите?

– Сорок дугаров, – последовал ответ.

Денег у меня с собой не было, кроме того, я понятия не имел о дугарах. В моём городе ходят свои деньги, которых не было в программе, как не было и старика-продавца, и всего содержимого его лавки. Оконная программа работала сама, добавляя и перекраивая данные.

– К сожалению, у меня есть только двадцать, – соврал я и положил пистолет на место.

– Не надо лукавить, юноша, у вас нет ни единого дугара. Не стесняйтесь, я на вас за это не в обиде. Из другого магазина вас бы выгнали, но у меня порядки другие. Здесь всегда рады интеллигентному человеку. Как правило, именно у интеллигентных людей того с деньгами. Почему? Потому что думают они о чём угодно, только не о деньгах. Идеалисты, они начинают задумываться о деньгах, только в тот момент, когда в кармане остаётся последний дугар.

Старик ушёл в пространные рассуждения о деньгах, о бедности, о превратностях судьбы, о тяготах жизни.

Я решил воспользоваться словоохотливостью этого чудака и расспросить о моей девушке. Она должна смотреть на статуэтку, – такой интерес к статуэткам был задан в программе. Я так и не смог угадать, какая именно привлекла её внимание.

Их здесь так много: слоны, совы, динозавры, обезьянки; есть и классика в виде многочисленных Венер и Аполлонов. На что любит смотреть Инглис? Насколько помню, я вводил в программу статуэтку древнеримской богини, но без уточ-

нений, расплывчато, в общих фразах.

Ориентируясь на свой вкус, я взял с полки бронзовую статуэтку Юноны и спросил:

– А эта вещь у вас давно?

Старик помрачнел. Он был недоволен либо моим вопросом, либо моим интересом к этой статуэтке, либо тем, что я позволил себе перебить его размышления.

– Извините, – сказал я как можно мягче, – я просто хотел узнать о девушке. Она бывает здесь каждый день и смотрит на статуэтку. Скажите, она смотрела на эту?

Антиквар молчал.

– Или я ошибаюсь? – не отступал я.

Молчание.

– Поймите, это важно для меня. Что вы можете сказать об этой девушке? Я понимаю, глупо так спрашивать, но...

– Зачем тогда спрашиваешь?

– Интересно узнать.

– Узнавай где-нибудь в другом месте. На базаре, например. Там тебе много чего расскажут. А здесь антикварный магазин.

– Простите, я только хотел спросить.

– Нечего спрашивать, я всё равно не отвечу. Всё, молодой человек, не нужно испытывать моё терпение. Приходите, когда будут дугары, – и старик буквально вытолкнул меня за дверь.

Я не знал, куда мне идти. Сел на скамейку перед магази-

ном. Улица отсюда смотрелась в непривычном ракурсе. Я полагал, что на противоположной стороне должно находиться здание с моим офисом, с тем окном, из которого я каждый день наблюдаю за этим местом.

Но там ничего не было – ни здания, ни окон. Был, правда, небольшой скверик с фонтаном, две скамейки и памятник какому-то военному.

*

Дворник приблизился незаметно. Или я так глубоко задумался, что не услышал шума его метлы.

К своим обязанностям он относился не очень добросовестно. Размахивая своей метёлкой в разные стороны, он не столько наводил чистоту, сколько разбрасывал кучки мелкой пыли.

Очередной взмах метлы и – пыльное облачко понеслось прямо на меня.

– Полегче, любезный, – не сдержался я, – аккуратнее.

Он махнул метлой ещё раз, и пыль стала оседать на мои ботинки.

– Извините, – сказал дворник, – совсем не ожидал, что кто-то здесь будет в поздний час. И что за день такой сегодня? Не заладилась работа. Метла из рук валится. Видать, кто-то меня сглазил. Наворожили, подлецы.

Дворник оказался не менее разговорчивым, чем антиквар.

Я узнал, что улица эта всегда пустынна. По ней мало кто ходит. Бытует мнение, что здесь обитают тёмные силы, демоны. Сам дворник не рад, что служит в этом районе, но делать нечего, приходится мириться с таким положением, ведь против начальства не пойдёшь, а нужда заставляет работать.

– Вы здесь человек новый, приезжий, – заметил он, вы много чего не знаете. Местный не стал бы тут рассиживаться.

– Я знаю одну девушку, которая любит сидеть на этой скамейке и появляется здесь каждый день.

– Ей можно, она колдунья, – спокойно прокомментировал он.

– Ты знаком с ней?

– Слышал, что она общается с демонами и может превратить человека в кэха. Стараюсь не разговаривать с ней. А когда прохожу мимо, отворачиваюсь, потому что нельзя смотреть ей в глаза, а то запросто станешь кэхом.

– Это как?

– Вы что, не знаете, как ведьмы превращают людей в кэхов?

– Нет. А кто такие кэхи?

– Станный вы какой-то. Все знают, что ведьме для связи с тёмным миром нужен посредник, человек без души. Вот она и ворует у человека душу, чтобы он стал кэхом. После этого он выполняет её поручения, отправляется в тёмный мир и приходит обратно, помогает ведьме в колдовстве.

– Понятно.

– Я бы на вашем месте поменьше тут ходил и не сидел бы на этой скамейке. Если ведьма узнает, не по нраву ей будет.

– И она превратит меня в кэха? – спросил я с иронией.

– Зря смеётесь. Кэхам не позавидуешь. Можете сами спросить у них, как тяжела их доля.

– А что, с ними так легко можно поговорить?

– Известное дело. Кэхи собираются в баре «Вагул». Там они пьют, едят, но больше приходят для того, чтобы на жизнь свою непутёвую пожалиться. Нормальные люди, если попадают в этот бар по незнанию, услышав речи кэхов, скорее уносят ноги.

– Послушай, – перебил я, – ответь, пожалуйста, как называется этот город?

– Гвинсил, – ответил он, взглянув на меня недружелюбно, словно я обидел его своим вопросом. – Наш город называется Гвинсил. И я удивляюсь, чёрт возьми, что некоторые приезжают сюда, не зная названия города. По меньшей мере, это подозрительно, это очень подозрительно.

Он отошёл. Отвернувшись, дал понять, что больше не желает со мной разговаривать. А мне ещё многое хотелось узнать, поэтому я поторопился принести извинения.

– Прости, я виноват, совершенно забыл название города. Я много путешествую, иногда путаюсь в названиях. Знаешь, ведь города бывают, похожи один на другой – легко спутать.

Лучше бы я этого не говорил. Дворник вскипел от негодования.

– Похожи?! – сорвался он на крик. – Как это города могут быть похожими друг на друга? Этот памятник, – черенком метлы он указал в сторону памятника, – он есть только у нас. Памятник основателю города.

– У других городов тоже есть основатели, им тоже ставят памятники.

– Но у каждого города всё равно есть что-то свое, неповторимое. В Париже стоит башня инженера Эйфеля; в Лондоне – часы Биг-Бен; в Москве есть этот идиотский Кремль; а у нас, в Гвинсиле, есть памятник основателю и ещё одна вещь, известная всему миру – автомобиль без водителя. Он появляется здесь днём, можете посмотреть. Не каждому дано увидеть такое зрелище, не пожалеете.

Я невольно улыбнулся и тем окончательно настроил дворника против себя. Он завёлся, дал волю эмоциям, стал мне грубить. Дело могло перерасти в скандал с дракой и бесполезной шумихой вокруг моей персоны, что мне было совсем ни к чему. Я предпочёл не спорить с дворником и удалился. Направился в сторону памятника, желая внимательнее рассмотреть его вблизи.

В невысокой аляповатой скульптуре я увидел самого себя. Я был похож на себя и ростом, и фигурой, и даже выражением лица. Скажу так: передо мной находился один из лучших моих портретов. Единственная неточность – я был в армейской форме. Эта форма являлась причудливой смесью военных традиций разных времён и народов. На ногах у ме-

ня были ботфорты, одет я в морской бушлат, на плече – эполет, на груди сияли ордена, на голове – фуражка советского офицера образца сороковых годов двадцатого века. Возле моей левой ноги болталась довольно увесистая шпага. В правой руке моё изваяние держало не что иное, как автомат Калашникова.

На низеньком постаменте была закреплена табличка с надписью:

«Человъеку, основателю нашего града Гвинсила.
Созидателю. Автору правил хорошаго поведения.
Солдату, погибшему в бою за нашу свободу и чъесть».

*

—Вы слишком серьёзно ко всему относитесь, – посмеивался надо мной Боря. – Поймите, это игра. Вы играете с нашей программой. И правила игры динамично изменяются по ходу развития сюжета. Легче относитесь к тому, что происходит за вашим окном, легче, а не то недолго втянуться и доиграться до серьёзных последствий. Ваша сотрудница уже успела пожаловаться мне на ваше состояние. Посмотрите на себя внимательнее в зеркало: худой, небритый, с каким-то ошалелым взглядом. В том городе вас не приняли за преступника?

– Они поставили мне памятник.

– Знаю, сказал Боря сквозь смех, – просматривал про-

грамму, видел: этакий герой-супермен, основатель города. Смешной такой. Но, должен предупредить, игра зашла далеко. В вашем городе есть настоящая полиция, которая задерживает преступников и сажает их в тюрьмы. И вы там не только основатель города, но и чуть ли не самый опасный преступник. Дворник донёс на вас в полицию.

– Донёс?!

– Ну да, – Боря достал из своего чемоданчика плоский дисплей, которым всегда пользовался при тестировании программ, – смотрите.

Он подключил жгут проводов к системе, и на миниатюрном экране замелькали кадры.

– Вот он, – комментировал Борис, – усомнился в вашей благонадёжности, вернулся к себе в сторожку, положил метлу, снял фартук и отправился в участок. Он выдал вас за Грамвера.

– Кто такой Грамвер?

– Я же говорю, один из самых опасных преступников в вашем милом городе. Во-первых, он фальшивомонетчик; во-вторых, ему приписывают несколько убийств и ограблений. Кроме всего прочего, за ним в последнее время закрепилась слава сексуального маньяка. Его уже давненько разыскивают, но задержать так и не смогли, Грамверу всегда удаётся уйти от преследования. Вот теперь дворник сообщил властям, что видел его около магазина антиквара. Там устроят засаду.

– Этот Грамвер существует на самом деле?

– Интересная постановка вопроса. Что вы называете существованием? В данный момент в программе нет конкретного человека с таким именем. Но преступления кто-то совершал. Возможно, это действительно сделал некий Грамвер. Но вполне может быть, что у него есть другое имя. Или представьте, что преступления совершали разные люди, а полиция приписала их одному Грамверу. Как бы там ни было, вам я могу посоветовать одно: не появляться в городе за окном, так как в представлении полиции, вы и есть тот самый Грамвер. При первом же удобном случае дворник укажет на вас и обвинит вас во всех смертных грехах.

– Но ведь я основатель города! Они видели памятник, я на него похож.

– Для них основатель города – легенда. Некоторые жители даже не верят в его существование. Да и что с того, что вы похожи? Если вас там схватят как преступника, то их мало будет интересовать ваше сходство с основателем. В лучшем случае найдут это забавным. А если вы будете настаивать на своём праве основателя, то они просто казнят вас за богохульство. Нет уж, лучше привыкайте к мысли, что в своём городе вы имеете репутацию преступника.

– Что же мне делать?

– Вернуться к нормальной жизни. Занимайтесь делами фирмы. Кстати, она сейчас переживает не лучшие времена. Вид на город можете оставить как статичную картинку. Лю-

буйтесь своей девушкой со стороны. Зафиксируйте её, и никуда она не денется.

Я не понял, каким образом можно зафиксировать Инглис. Боря объяснил, что я могу оставить вид на антикварный магазин как фотографию. Ничего не будет меняться. Инглис выйдет из магазина, сядет на скамейку, и в этот момент я выключу программу, то есть не выполнение программы, а лишь вывод изображения на экран. У меня за окном будет фотография Инглис на фоне магазина, а программа продолжит работу, жизнь в Гвинсиле будет идти своим чередом. Как только я отойду от шока (Боре почему-то казалось, что я в шоке), смогу вновь включить вывод изображения, а когда ситуация в городе изменится к лучшему (например, если поймают Грамвера), я смогу снова посетить свой город.

Меня такая перспектива не устраивала. И я прямо сказал об этом Борису. Я не намерен смотреть на статичный вид за окном, тогда как буду знать, что там продолжается жизнь, там происходят неведомые события, и какой-то подонок каждый вечер увозит мою Инглис. Нет уж, извините: я придумал город, я сочинил свою девушку, теперь я хочу всё о ней знать, я хочу посещать Гвинсил, я имею на это право.

– Вы слишком увлеклись, – сказал Боря. – Я не знаю, как еще можно вас переубедить, если даже к делам своей фирмы вы полностью равнодушны. Или хотите дожидаться, когда ваше окно арестуют за долги?

– У меня нет долгов.

– Пока нет, но если ваши дела и далее пойдут с такими успехами, то я вам не завидую. Спросите у своей сотрудницы, у Кати, спросите о делах, вы узнаете много интересного.

В этот момент мне не нравился ни сам Боря, ни его тон, ни тот факт, что он бесцеремонно вмешивался в дела моего предприятия.

– Итак, – я перешёл на официальный тон, – ставлю вас в известность, что как клиент фирмы «Занескол» недоволен качеством ваших консультаций. Если вам недостаточно устного замечания, я могу изложить свои претензии в письменной форме. Прошу доложить вашему руководству, что я хочу иметь дело с другим консультантом.

– Ха! – громко усмехнулся Боря. – Вы что же, даёте мне отставку? Милое дело! Давайте. Давайте-давайте. Излагайте в письменной форме свои претензии, у нас будут долго смеяться. Вы знаете, для чего я пришёл сегодня? Не знаете. Для того, чтобы сообщить новость: со вчерашнего дня консультации для вас становятся платными, так как бесплатно мы консультируем клиента в течение одного месяца со дня продажи окна. Вчера истёк месяц, так что вы теперь должны платить за каждый вызов. Но ваша платёжеспособность, мягко говоря, вызывает сомнения. Поэтому руководство фирмы, то самое, которому вы собираетесь на меня жаловаться, поручило мне выяснить: намерены ли вы платить за консультации? Если нет, тогда любуйтесь видом из окна без нашей помощи. Если не сможете обойтись без консультанта – платите. С

вашей сотрудницей мне пришлось беседовать лишь потому, что вы были невменяемы. Мне больших трудов стоило вас растормошить. С кем ещё я мог обсудить столь деликатную проблему, если вы без сознания валялись в своём кресле и находились где-то между окном и нашим грешным миром? Я просмотрел программу и поговорил с Катей. Конечно, она не обязана столько всего рассказывать.

– Я её уволю.

– Дело ваше. Но, согласитесь, не она виновата в том, что вы решили ночевать в городе за окном, а утром не нашли дорогу назад.

– Из ваших программ сам чёрт не выпутается.

– Выпутается, если будет внимательно читать инструкции и соблюдать спокойствие при работе с программой. А что вы вчера творили? Вспомните. Не открылся канал – у вас паника. С перепуга начинаете открывать резерв. Он у вас тоже не открывается. Вы пробуете открыть следующий канал...

– А что оставалось делать?

– Подождать – вот что нужно было. Три секунды – стандартное время открытия канала. Если программа имеет сеть подпрограмм, то каналы сообщений могут открываться от трёх до десяти секунд. Но вы и секунды не ждали. Я проверял. Уже на второй секунде – бабах – запрос резервного канала. Через секунду запросили второй канал, ещё через секунду запрашиваете резерв второго. Музыканты на рояле и то медленнее играют. Вы же сами до ужаса усложнили про-

грамму, перегрузили её лишними запросами, а потом захотели невероятного быстрогодействия.

По тому, как эмоционально Боря взмахивал руками, можно было догадаться, что он взбешён моей некомпетенцией в вопросах электроники и программирования. Сегодняшней ночью я проявил себя не лучшим образом. Признаюсь, я ошибался с этой чёртовой программой, но ведь я не профессионал и, кроме того, впервые остался один на один с такой сложной задачей. И всё-таки я выбрался. Правда, не уверен, что обошёлся без помощи Бори. Очень похоже, что это он меня вытащил, когда увидел мою безнадёжную растерянность. Хотя есть вероятность, что один из каналов случайно открылся, а значит, я выбрался сам, – достоверно я этого не знал.

Глядя на Борю, на этот неожиданный всплеск эмоций, слушая его гневно-возбуждённую речь, наполовину состоящую из специальных терминов, я понимал, что в дальнейшем не смогу обходиться без консультаций. И в качестве консультанта мне нужен именно Боря и никто другой.

Он хороший специалист. Профессионал, глубоко переживающий за своё дело. За несколько ошибок он готов испепелить меня взглядом, не говоря уже о граде ругательств в мой адрес. По его понятиям меня следовало стереть в порошок, ведь я оскорбил святое: не прочитал инструкцию и с прохладцей отнёсся к некоторым основам программирования. Это задело его за живое. Помимо того, я стал возму-

щаться и предъявлять претензии. Это его и взбесило. Ясно, человек, который смеет нарушать правила программирования, просто не должен разговаривать. В понимании Бори такой человек заслуживает казни.

Я люблю иметь дело с надёжными людьми, которые не кривят душой, умеют называть вещи своими именами, умеют держать слово. Боря из таких. У него развито чувство собственного достоинства, которое он сейчас отстаивает, споря со мной и выплёскивая эмоции наружу.

Кто я в его глазах? Зажравшийся хозяин маленькой фирмы, которому надоело в этом мире буквально всё, который потерял вкус к работе и решил поискать развлечений где-то в области компьютерных программ, за окном, с кем-то из вымышленных людей. В своё оправдание я могу сказать, что Боря сам навязал мне этот мир и законные развлечения. Но, если я хочу быть честным перед собой, то никогда так не скажу. Ведь я отлично знаю, что Боря просто выполнял свою работу, грамотно справлялся с обязанностями консультанта.

Я пошёл на примирение.

– Вопрос решён, Борис, – сказал я, – признаю, что допустил ошибки в обращении с такой нежной программой. Отсюда следует, что я не смогу обойтись без вашей поддержки. Я готов заключить договор, предлагаю вам работу.

На этот раз я оказался в Гвинсиле вовремя. Было без пяти минут пять. Я бежал к антикварному магазину, предвкушая встречу с Инглис. Она вот-вот должна появиться.

С Борисом я поссорился, он так и не дал согласия работать со мной. Обещал, что фирма пришлёт другого консультанта. Сейчас этот вопрос беспокоил меня меньше всего. Я даже не представлял себе, как буду выбираться из города без посторонней помощи. Вообще я не должен входить в город, так как не оплатил услуги фирмы «Занескол» и не оформил продление договора. Формально они имели право меня оштрафовать. Но и это меня не беспокоило – всё заслоняла предстоящая встреча с Инглис.

Вот и она.

– Пойдите! – кинулся я к ней. – Извините...

И только тут я понял, что не знаю, о чём говорить. Что спросить? Все слова в один миг показались глупыми, ненужными, лишними.

Инглис, она стояла передо мной, живая настоящая девушка, мечта, воплощение всего лучшего, что я ценил в женщинах. Белокурая стройная девушка с весёлыми серыми глазами, – всё как я просил в программе. Я был в восторге, но так и не смог выразить своё чувство словами.

Видимо, я не произвёл на неё впечатления. Она прошла мимо, бросив презрительный взгляд в мою сторону. Подошла к скамье, села, в точности следуя предписаниям программы.

– Простите, вы, кажется, интересуетесь антиквариатом? – нашёл я, наконец, тему для беседы и сел на скамейку рядом с Инглис.

Она промолчала в ответ и даже не взглянула на меня. Как ни странно, мне это понравилось. Она была просто обворожительна. Ну да, конечно, она не хочет иметь дело с подозрительным типом, каковым я предстал в её глазах. Благородная натура.

– У меня для вас есть деловое предложение, – продолжил я, – так, маленькая очаровательная безделушка, старинная бронза, статуэтка. Понимаете, дело в том, что я художник...

Тут я умолк, потому что представился художником неожиданно для самого себя. Я импровизировал. Теперь нужно было срочно придумать продолжение, чтобы не молчать долго. Главное, не молчать. Ведь она даже повернулась ко мне на долю секунды, и я заметил в её взгляде интерес. Значит, художник – это хорошо. Но, что же дальше?

– Старинная бронзовая статуэтка, – повторился я, – античная богиня Афродита, она отлита в эпоху... – я стал перебирать в памяти названия эпох, лишний раз убеждаясь, что являюсь полным профаном в искусстве.

Инглис ещё раз повернулась в мою сторону и почему-то посмотрела на мои ботинки.

– Специалисты считают, что она была отлита в эпоху позднего барокко, – выпалил я словно студент на экзамене.

Она молчала. Она снова потеряла ко мне всякий интерес

и теперь смотрела не на меня и даже не на мои ботинки, а на дорогу, на тот поворот, где уже появился злополучный автомобиль с водителем, которого я ненавидел.

*

Машина лихо затормозила. Послышался хлопок дверцы. Далее всё происходило так же, как я видел это из своего окна. Появился молодой человек: низкорослый, мускулистый, гладко выбритый, со слегка одутловатым лицом. Инглис поднялась. Он приблизился к ней, поцеловал в лоб, что-то прошептал, я не расслышал его слов. Потом он заметил меня.

– Кто это? – спросил он у неё, кивком указав на меня.

– Откуда я знаю? – ответила она с искренним возмущением.

– Ты опять? – строго спросил он. – Вспомнила старые грехи?

– Да что ты привязался! Не знаю я его. Сидит себе мужик, может, ждёт кого-то.

– Ладно, верю. Поехали.

И снова всё происходило как обычно. Они сели в машину. Почти бесшумно завёлся двигатель, и через минуту они скрылись за поворотом.

Я остался наедине со своими мыслями. Точнее сказать, остался наедине со своими разочарованиями.

Во-первых, голос Инглис производил отталкивающее впе-

чатление. Я никак не ожидал, что у неё до такой степени неприятный голос. Хрипловатый, в низкой тональности, он мог принадлежать мужчине, но не этой очаровательной девушке.

Отношения Инглис и водителя тоже меня разочаровали. Заметно, что у них всё очень серьёзно. Не удивлюсь, если они официально являются женихом и невестой. Он устраивает ей сцены ревности, полагая, что имеет на это право. Судя по всему, подобная сцена у них не редкость.

Меня злило, что я так и не смог поговорить с Инглис. Я был для неё как пустое место. И я не узнал ничего нового, просто посмотрел вблизи на то, что не раз уже видел из окна. Меня донимала одна идея, суть которой в том, что я находился в унижительном положении и должен за это каким-то образом отомстить. За пренебрежительный кивок в мою сторону надо наказывать. Парень каждый день увозит девушку, которую я вправе считать своей. Сейчас он увёз её чуть ли не из моих рук. Этого нельзя так оставлять. Я должен что-то сделать. Иначе я перестану себя уважать.

Ведь можно его ударить, можно попытаться отбить у него девушку, можно разбить стекло в машине, – да много чего можно придумать.

И я стал думать о мести.

Возвращаться домой не хотелось. Я решил получше ознакомиться с городом, побродить по улицам, а заодно и продумать план своих дальнейших действий. Естественно, в

первую очередь меня интересовало то направление, куда ежедневно уезжала Инглис со своим парнем. Поэтому я энергично пошёл в сторону перекрёстка, где только что скрылась их машина.

*

Там было много смешного, за поворотом. Во-первых, само название улицы звучало комично. Точнее, на слух оно воспринималось вполне обычно – улица Раздольная, но на указателе написано было так: Раз Дольная. На следующем перекрёстке стало понятно, что существует ещё и улица Два Дольная. Можно было предположить, что у них имеется и Три Дольная. Я продолжал привыкать к шуткам моей программы.

Развлекли меня и круглые тумбы с объявлениями. Такие тумбы ставили в городах где-то в конце XIX или начале XX века. Содержание объявлений, их стиль и графика тоже напоминали ту эпоху.

«Приехал цирк! Приглашаем посмотреть на чудеса, на клоуна, на сілача».

Сообщалось, что известный факир г-н Браузель в цирковой программе на глазах у публики распилит свою ассистентку г-жу Браузель, а затем будет метать ножи в стоящую у стены с яблоком на голове мадемуазель Браузель.

Особенно запомнилась фраза: «Последний кинжал прон-

зит сочный плод».

Чувствовалось в этих словах нечто поэтическое, содержалась какая-то особая магия. Мне кажется, в те времена умели завлекать людей на подобные зрелища. Как ни странно, тогда был золотой век для искусства рекламы. На публику воздействовали словом, силой фраз и красотой стиля. Ни тебе видео, ни звуковых эффектов – только слова.

Читаешь: «Пронзит сочный плод», – и уже хочется пойти туда, в цирк, чтобы увидеть и этого Браузеля, и его мадемуазель, и особенно то мгновение, когда кинжал действительно попадёт в яблоко, то есть в прямом смысле пронзит сочный плод.

Сейчас так не умеют. Рекламисты надрываются, из кожи вон лезут, пытаются придумать новые методы воздействия на людей, всяко изощряются, – но не дано им подняться до высот, которые уже были достигнуты рекламой в старину, когда к словам и фразам относились с трепетом и почтением.

Что в рекламе сейчас? Сплошное повелительное наклонение. Слушай, покупай, открой для себя то-то и то-то, выбери лучшее. Как-то всё мелко, примитивно и грубо. Представляю, если бы тут написали: «Иди, смотри на Браузеля!», – я на такое не обратил бы внимания. Очередное требование наглых рекламистов. Чего ради я должен смотреть на какого-то пройдоху с его тусклыми фокусами? А вот если «последний кинжал пронзит сочный плод», тогда совсем другое дело, посмотреть на это интересно, даже если ты смутно до-

гадываешься, что на реальном представлении Браузель схалтурит и просто кинет ржавый ножик мимо гнилого яблока.

Ещё одно объявление показалось мне симпатичным:

«Меняю корову на компьютер».

Был в этом своеобразный парадокс. Связь времён или что-то подобное – не знаю, но мне понравилось.

Самым загадочным было объявление-вопрос «Где ты?» – крупными жёлтыми буквами на синем фоне. Листы с этим странным текстом висели в нескольких местах по всей тумбе. То ли объявление, то ли плакат, то ли реклама – не поймёшь. Поэтому и хотелось написать рядом: «Что это?». Я так и сделал.

Полиция появилась почти мгновенно.

Оказалось, что в Гвинсиле нельзя хулиганить. Мой поступок стражи порядка расценили именно как хулиганство. Я испортил очень важное объявление. Папа разыскивает свою дочь. Ушла два дня назад из дома и не вернулась, пропала. Тогда папаша заказал в типографии такое вот сообщение, которое надо понимать в смысле «Дочка, отзовись!».

Само по себе сообщение, конечно, выглядит весьма оригинально, но ведь и папаша не совсем обычный гражданин, а какой-то, как я понял, крупный чин в полиции города.

Девчонка пропала, полиция в поисках. Кроме того, полисмены следят за состоянием объявлений – чтобы никто не срывал. А я вот, получается, испортил одно из них. Мне теперь грозит штраф, либо что-то похуже.

– Вы должны отвечать за своё деяние по всей строгости закона, – сказал полицейский, который, по-видимому, был за старшего.

Я попытался узнать, что гласит закон, в нарушении которого меня обвиняют; какой параграф какого раздела я нарушил, какое наказание меня ожидает.

Ответ был исчерпывающим:

– Вы нарушили «Кодекс чести», закон семь, статья два, – и оба полисмена застыли на месте в молчании, вытянув руки по швам; то ли отдавали дань уважения закону, то ли просто старались вспомнить содержание статьи.

– Э-э, извините, – побеспокоил я их, – а нельзя ли пояснить конкретнее.

– Слушайте, – сверкнул глазами старший, – если вы нарушили правила поведения в приличном обществе, если вы испачкали грязью полезное сообщение...

– Но ведь я ничего не пачкал грязью!

– Сделали непозволительную надпись.

– Что же в ней такого непозволительного?

– А вы считаете, что можно безнаказанно писать на объявлениях матерные выражения?

– Постойте. Я написал всего два слова, которые, в сущности, являются безобидным вопросом. Я это сделал в шутку. Судите сами, объявление несколько несуразно, в нём очень мало информации. Если папа ищет дочку, то и написать стоило подробно: возраст девочки...

- Двадцать лет, – рявкнул младший по чину полицейский.
- Цвет волос, – продолжил я.
- Тёмно-каштановый, – последовал очередной возглас.
- Рост? – строго спросил я, и полисмен, вытянув шею, словно автомат повторил заученную информацию.
- Сто семьдесят.
- Вы её встречали? – спросил старший.
- Нет.
- Зачем писали это? – он указал в сторону тумбы.
- Я же объясняю – пошутил.
- Это смешно?

Таким вопросом полицейский поставил меня в тупик. Вопрос неожиданный и прямой. Что можно на это ответить, если я сам не знаю, какого чёрта мне взбрело в голову писать эту ерунду.

– Поймите, тут дело не в каком-то особом юморе, здесь нормальная, естественная для любого человека логическая последовательность. Вот я иду, читаю вопрос «Где ты?». И мне интересно узнать, а что это, собственно, как это понять? Это объявление, это плакат, это реклама, – вот я и спрашиваю.

Полицейский меня не понял. И это меня совсем не удивляло, так как я сам себя не понимал. Этот город, эта странная улица, полицейские, моя беседа с ними, вопросы и ответы – всё было таким настоящим, таким осязаемым, что в итоге появлялись сомнения в реальности моего родного ми-

ра. Стало казаться, что я живу здесь, в Гвинсиле, вникаю в его проблемы, задумываюсь о поисках великовозрастной девахи, стараюсь оправдать себя в глазах этих придурковатых полисменов; а мой мир, в котором остались привычные вещи, улицы, имена, – ушёл в сон, в туман, куда-то на задний план, Гвинсил заслонил его собой.

*

Они меня арестовали. Дело в том, что я действительно написал выражение, которое и в нашем мире, и здесь, в Гвинсиле, принято считать нецензурным. Как у меня это получилось, сказать не могу. Когда я рискнул, доказывая свою правоту, прочесть свою надпись вслух, то вместо безобидного вопроса увидел такое сочетание слов, какое обычно я не произношу. Я вообще редко использую подобные выражения в своей речи, а если стал бы это писать, оформил бы всё несколько грамотнее. «Еби ё мать», – такая надпись красовалась на том самом месте, где я недавно царапал свой вопрос «Что это?».

– Вы и теперь будете с нами спорить? – ухмылялся всей своей гнусной рожей полисмен.

Опять моя программа даёт сбой, опять я сталкиваюсь с очередной загадкой города Гвинсила, мне снова становится интересно.

– И что же меня за это ждёт, штраф?

Оказалось, полицейские не штрафуют – они только арестовывают. Решение о наказании преступников выносится либо в участке, либо в управлении, либо в суде. И меня повели в участок. Сказать «повели», будет не совсем справедливо, ибо меня не вели, а провожали.

Должен отметить вежливость и корректность гвинсильских полицейских. Они следовали за мной на почтительном расстоянии, время от времени подсказывали правильный путь.

– Здесь налево, – сказал старший.

Я свернул.

– Граница районов, – добавил он.

– Ну и что? – спросил я.

– Ничего, только мы сейчас в Исме, наш участок тоже в Исме, но пройти к нему ближе через два квартала Сомбура.

На моих глазах полицейские сменили внешность. У старшего быстро выросли усы, а второй стал как-то полнее, шире в плечах и выше ростом. У обоих сменились нашивки на рукавах.

– Что это с вами?

– Входим в соседний район, меняем форму, – пояснил старший.

– Тут сержантам положены усы, – с некоторой завистью прибавил его подчинённый.

Мы входили в так называемый Сомбур. Райончик явно беднее предыдущего. Странно, что в Гвинсиле существует

такое. В городе мечты – и вдруг такая приземлённость.

– Изнанка жизни, – сказал я в задумчивости.

– Не разговаривать! – строго прикрикнул усатый сержант. Я всё никак не мог привыкнуть к его новому виду.

Изменились и характеры полицейских, и даже их манера обращения со мной, – теперь они держали меня за руки и слегка подталкивали вперёд при каждом шаге.

Мы прошли два квартала, миновали границу районов и снова оказались в Исме. Всё вернулось на свои места: усы у сержанта исчезли, второй полисмен изменился в комплектации, вернувшись к прежнему виду; руки мои отпустили. Мне указали на тёмно-красную дверь двухэтажного кирпичного здания. Я вошёл.

– Куда? – сонный полицейский сидел у тумбочки с телефоном и жевал жвачку.

– Проходи, не обращай на него внимания, – успокоил меня сержант, входя следом.

– Я спрашиваю, куда? – обиделся сонный.

– Молчи уж, – отмахнулся сержант, и я спокойно прошёл вперёд по длинному коридору.

– Сейчас идём к капитану, – говорил сержант, когда мы поднимались на второй этаж, – он будет тебя допрашивать, говори ему всю правду, не нужно врать и хитрить, но только не стоит говорить о том, что мы шли через Сомбур. Если спросит – мы шли в обход. Хорошо? В обход. Скажешь?

Было странно, что сержант вдруг перешёл на ты и просьбу

свою излагал вполголоса с просительной интонацией.

*

Вскоре я предстал перед капитаном. Огромный кабинет поражал своим величием, словно я находился не в казённом учреждении на допросе у полицейского чиновника, а в люксовой каюте на борту круизного лайнера. Всё вокруг оформлено в стиле, которому трудно подобрать название: тут вам и классика древних греков, здесь и роскошь эпохи Франциска I, а кое-где просматривались элементы средневековой культуры Японии. Много картин. Особенно заметной была картина в духе импрессионистов: девушка в ярком зелёном платье; босоногая, она стояла в луже и держала в руке яблоко; её мокрые волосы говорили о том, что она попала под дождь, а весёлый взгляд сообщал, что ей хорошо и радостно в том мире, где её нарисовали.

– Любите живопись? – приблизился капитан, человек примерно пятидесяти лет, побеленный сединами обладатель пышных усов. Он курил трубку.

– Не очень, – ответил я. – Картины статичны. В них нет действия. Мне больше нравится кино, там всё движется, меняется.

– Наверное, большой любитель порнофильмов.

– Почему вы так решили?

– Движется, меняется, – передразнил он и перешёл в де-

ловую тональность:

– Я капитан второго участка Исмы. Моё имя Сайорс...

Сайорс, – повторил он, – чёрт, забыл дальше.

Капитан обратился к двери и прокричал:

– Гил, напомни!

– О! – послышался возглас сержанта из коридора.

– Вот, – обрадовался капитан, – моё полное имя Сайорс О.

Правда, вам его знать не обязательно. Вы преступник. Кстати, Гил, что он там натворил?

– Испортил объявление, – раздалось из-за двери.

– Плохо, – с красноречивым сожалением вздохнул капитан и снова обратился ко мне:

– Итак, вы согласны с утверждением, что вы настоящий преступник?

– Не совсем.

– Это как?

– В деле много спорных вопросов. А некоторые вещи мне совершенно непонятны. Всё-таки не нужно забывать, что я иностранец, нахожусь в вашем городе по частному делу.

Капитан меня не слушал. Он подошёл ближе к двери и поинтересовался:

– Вы нашли дочь Бомжевича, Гил?

– Нет, – последовал ответ сержанта.

– Где она может шляться?

– Не знаю.

– Слушай, Гил, а что это вдруг случилось, что ты стоишь

там за дверью и не входишь в кабинет?

– Инструкция. Не могу нарушать.

– Что ж мне теперь вот так с тобой через дверь и разговаривать?

– Вероятно, да.

– Чёрт знает что! – возмутился капитан. – Дикость какая. Понапридумывают там, а я должен орать через дверь. Но, будем надеяться, что скоро всё поменяется и вернётся в норму. Приступим к допросу. Значит, вы преступник, вас доставили ко мне. Да, интересно, а каким путём вы шли, как вас привели?

– В обход, – ответил я, вспомнив о просьбе сержанта.

– Гил, ты слышал? – крикнул капитан. – Он говорит, что вы шли в обход.

– Нагло врёт. Мы прошли через Сомбур. Мы ведь не идиоты – тащиться через пять кварталов.

Капитан с наслаждением затянулся из трубки, выпустил дым правильным колечком и спросил:

– Зачем вы соврали?

Вероломство сержанта меня несколько не смутило. Я уже привык ко всяким неожиданностям. Сейчас я беспокоился лишь о том, как бы поболезненнее отомстить.

– Вы знаете, капитан, ваш сержант замыслил злостную измену. Мне кажется, он от вас что-то скрывает. Он просил, чтобы я не рассказывал вам всей правды, которую знаю...

– Стоп, – перебил он, – с этого момента начинаются ваши

показания, я должен записать.

Он прошествовал через весь кабинет, аккуратно водрузил свой толстый округлый бабский зад на кресло, похожее на трон, и вытащил журнал в полосатом переплётё. Полистав его, спросил:

– Ваше имя?

Я помнил, что мы с Борей придумывали какой-то псевдоним, но я совершенно забыл, как он пишется и произносится. Более того, я и своё настоящее имя не мог вспомнить, поэтому сказал первое, что пришло на ум – Уинстон.

– Черчилль, – добавил я неуверенно.

Капитан сделал запись.

– Так вот, Уинстон Черчилль, длинное у тебя имя, долго писать, да уж ладно, привыкну. Теперь ты самый обыкновенный преступник, церемониться с тобой никто не будет. Думаю, нужно кинуть тебя в тюрьму. Есть за что: испортил объявление, пытался оклеветать благородного сержанта. Но сначала я должен провести с тобой воспитательную беседу. Слушай.

Он поднялся и, мерным шагом следуя по кабинету в моём направлении, начал.

– Ты должен запомнить, что мы никого не наказываем за преступления, а помогаем оступившимся и заблудшим исправить ошибки. У полиции города на текущий момент две важнейшие задачи, которые...

Капитан взял со стола папку с надписью «Очень важный

документ» и раскрыл её. Пару секунд он соображал, потом продолжил:

– Итак, две важнейшие задачи, которые заключаются в том, что их четыре. Первая и самая главная – борьба с кэхами и наркоманами. Ты не из них? Нет, не похож. И это тебя спасает от виселицы. Далее, вторая задача – борьба с маньяками и убийцами; третье – это борьба с воровством и поиски пропавшего добра. Господи, нам ещё искать эту чертовку – дочь Бомжевича. Как подумаю – волосы дыбом.

Захлопнув папку, капитан бросил её на стол.

– Вы ничего не сказали о четвёртой задаче, – напомнил я.

– А-а, – небрежно махнул он рукой, – самая непонятная статья. Пишут в инструкциях, что нужно бороться с взятками и должностными преступлениями. А как с этим бороться?

– Ну как же, с этим нужно бороться всеми силами и всем обществом, – произнёс я расхожую фразу, которую не раз слышал по телевизору.

– Много ты понимаешь! Всеми силами. Если, допустим, я сам совершаю должностное преступление, то как мне бороться против себя?

– А вы не совершайте.

– Хо! Сказанул тоже мне. Не совершайте. Мне же выгодно его совершить. Понял? Вы-год-но. И что с этим делать?

– А меня, значит, вы хотите наказать всего лишь за то, что я испортил объявление?

– Да, хочу наказать, ибо не понимаю, какую выгоду ты мог с этого иметь.

– А может, мне заплатили.

– Кто? Если кто-то заплатил за это специально – он преступник, а ты его пособник. В таком случае, вам обоим грозит виселица. Кроме того, тебя можно обвинить в распространении порнографии, так что лучше помалкивай.

Насколько мне было известно, капитан не знал содержания той надписи, за которую меня арестовали. Сержант сообщил ему только о том, что я «испортил объявление».

– Интересно, почему вы решили, что я распространяю порнографию?

– О господи, да любого можно в этом заподозрить. Разве не так?

– Логично, – согласился я.

– Вот и не приставай ко мне! – капитан взорвался в гнев.

– А я и не пристаю.

– Всё! Иди, ты мне надоел. Много вопросов задаёшь. Иди.

– И куда же я пойду, – осторожно спросил я, не веря в искренность слов капитана, – если вы только что хотели посадить меня в тюрьму?

– Иди куда хочешь, отпускаю, – надоел.

Я хотел удалиться, пока он не передумал, но в дверь кабинета постучали.

– Кто там? – взревел со злостью капитан.

Вошёл сержант и доложил, что капитана хочет видеть

Вязькин с первого участка.

– Зови.

Вскоре на пороге кабинета появился худой болезненного вида человек в гражданском костюме.

– Новости хреновые, – заявил он с порога.

– В чём дело?

– Наш дорогой Грамвер совершил новое преступление – ограбил антиквара.

Затем Вязькин посмотрел на меня и остолбенел. Я сразу понял, кого он во мне узнал.

– Ты что же это, поймал его? Ты поймал! Я его заберу, – Вязькин постепенно отходил от потрясения. Он требовал выдать мою грешную персону.

– Кого я поймал? – капитан не без таланта сыграл непонимание.

– Да Грамвера же! Он стоит перед тобой, а мы его по всему городу ищем.

Я приготовился к скандалу с печальными для меня последствиями. Но сложилось иначе. После непродолжительной беседы на отвлечённые темы, – о погоде и футболе, – капитан выпроводил Вязькина. Потом он достал фотографию Грамвера (то есть, по сути, мой портрет) подошёл ко мне, прислонил фото чуть ли не к моему уху, чтобы иметь возможность сравнить.

– А вы похожи, – сделал он вывод. – Как это понимать?

– Совпадение, – ответил я, – всего лишь совпадение.

– Нет, – возразил капитан, – никакое это не совпадение. Думаю, ты на самом деле Грамвер. Ты попался на мелочи. Но все великие преступники попадались на мелочах. Ты великий преступник. Я знаю все твои дела. Конечно, я не оправдываю убийства, но твои ограбления, просто нет слов, грандиозны. Ты, несомненно, талантлив. Эх, и такого талантливого человека хотят поймать и обезглавить! Но, успокойся, тебе повезло, ты встретил меня, и я могу предложить тебе сделку. Поверь, нам обоим она выгодна.

И он предложил сделку, и она действительно содержала некоторую выгоду для меня, хоть я и не настоящий Грамвер.

*

Карьера и деньги – вот две вещи, которые интересовали капитана О более всего. Он говорил об этом откровенно, без стеснения. Этот человек обладал задатками хорошего психолога и сумел заметить, что меня могут заинтересовать иные категории, – например, спокойствие.

Я не хотел иметь проблем в отношениях с полицией. Будет здорово, если они отстанут от меня раз и навсегда.

– Ну, такое, чтобы раз и навсегда гарантировать не могу, но обещаю, что на моём участке ты можешь чувствовать себя в полной безопасности.

Капитан объяснил, что в полиции Гвинсила такой принцип: каждому участку ставится определённая задача, ко-

торая для него является важнейшей. К примеру, поймать Грамвера – это задача из задач для участка номер один района Исма. Для второго участка того же района, то есть для участка капитана О, поимка Грамвера тоже важна, но не до такой степени как поиск дочери Бомжевича.

О показал мне инструкцию, где было видно, что поиск девчонки поставлен на первую позицию, а задержание Грамвера – на седьмую. Если подчинённые капитана найдут дочь Бомжевича, капитан получает премиальные деньги и значительное повышение по службе. Если будет задержан Грамвер, то деньги и повышение достанутся Вязькину, а капитану О просто скажут спасибо.

– Если не забудут, – добавил он, заканчивая пояснение.

– И чем же я могу помочь?

– У тебя есть талант, есть связи в преступном мире, в твоём распоряжении почти весь персонал второго участка, сержант Гил будет главным помощником. Найди дочку Бомжевича.

– А если я откажусь?

– А ты не отказывайся, – весело сказал капитан.

Я и не собирался отказываться от его предложения и задал вопрос, чтобы он не думал, что я так легко согласился.

– Хорошо, я займусь поисками девчонки, но за это, кроме всего прочего, прошу ещё об одной услуге: предоставлять мне информацию о ходе поисков Грамвера вообще и о его последнем преступлении у антиквара в частности, то есть я

хочу знать о состоянии дел на соседних участках и в управлении полиции.

– Естественно, имеешь право знать, как идёт раскрытие твоих преступлений. Я предоставлю исчерпывающую информацию.

Мы ударили по рукам. Я поближе познакомился с Гилом, тем сержантом, который меня задержал. С этого момента мы с ним становились компаньонами.

Капитан порекомендовал ему переодеться в гражданское, что Гил исполнил незамедлительно, тут же изменив форму одежды. В две секунды с него исчезли погоны и нашивки, его форменный китель превратился в элегантный пиджак серого цвета, тяжёлые полицейские ботинки стали изящными чёрными туфлями, изменилась причёска, а фуражка куда-то улетучилась.

– Быстро он переоделся, – заметил я.

– Профессия обязывает, – не без гордости ответил капитан О.

*

Дочь генерала Бомжевича звали Югинной. Она была, насколько я понял, свобододолюбивой девчонкой с независимым и сильным характером. Как и всякая дочь высокопоставленного чиновника, она была натурой избалованной. Во всю эксплуатировала непомерную любовь своего папочки, выко-

лачивая с него деньги и подарки.

Кроме того, любила она, помягче сказать, хулиганить. Довольно много пила спиртного, курила. Из положительных её качеств можно назвать артистизм и, что меня очень удивило, хороший вкус. Она стильно одевалась, имела чувство меры, всегда выглядела, как сказал капитан О, «согласно моменту». Надо понимать так, что она никогда бы не пошла на светский приём в банном халате или ночной рубашке, хотя многие «звёздные» барышни в Гвинсиле позволяли себе и такое, пытаясь удивить друзей и публику.

У Югинны хватало других причуд. Любила шумные компании. Она вообще считала, что девушка должна появляться в общественных местах только в сопровождении свиты молодых людей, коих должно насчитываться не менее четырёх человек. Иными словами, порядочную девушку со всех сторон окружают друзья, молодые люди, словно пажы, готовые в любой момент выполнять капризы своей королевы. Без этого эскорта из высокорослых мускулистых юношей она не выходила из дома. Они сопровождали её везде: на занятиях в университете, в магазинах, в поездках за город.

Постоянного друга, жениха или возлюбленного у неё не было. Парни из её ближайшего окружения время от времени менялись. Назвать кого-то определённого любовником или женихом было просто невозможно.

Югинна дважды исчезала из дома на длительное время. Когда-то её искали целый месяц, но так и не нашли. Она объ-

явилась сама и спокойно рассказала папаше, что жила в цирке.

Познакомилась с клоуном, и ей в голову пришла сумасбродная идея, которую она и воплотила в жизнь: стала ассистенткой клоуна в одном из весёлых аттракционов. Всем друзьям она приказала молчать, и они ловко запутывали поиски, пока сама Югинна, тщательно загримированная, каждый вечер в течение месяца с наслаждением исполняла роль клоунессы.

Цирк уехал, Югинна вернулась домой. Бомжевич был доволен.

– И где только не искали, – с упоением говорил он, – во всех ресторанах, в казино, в гостиницах, а она, милая моя шельмочка, вот как всех провела!

Он был рад, что дочь нашлась сама, и ему не пришлось выплачивать премии за поиски.

В следующий раз она шалила серьёзнее. Пропала на три месяца. И не с каким-то добрым и весёлым клоуном, а с настоящим преступником, с маньяком-людоедом, который сидел в тюрьме за убийство шестерых девушек.

Югинна помогла ему бежать. Они скрылись в дикой пещере на берегу живописного озера. Чтобы запутать следы, отправили Бомжевичу фото: убитая Югинна лежит на мокром асфальте в луже крови. Но полиция Гвинсила продолжала искать её тело и убийцу. Правда, никому не пришло в голову поискать за пределами города.

И снова она появилась сама. В этот раз она молчала, никому ничего не рассказывала. По закону она была виновна в преступлении, так как помогла бежать маньяку. Её хотели судить. Но она молчала так убедительно, что многим показалось: девушка сошла с ума и потеряла способность говорить.

– Отстаньте от неё, не донимайте вопросами, – сказал тогда Бомжевич, – девочка пережила страшное потрясение.

И от неё отстали.

Чуть позже она поведала своим друзьям лишь о романтической стороне приключения, оставляя за кадром некоторые неприятные моменты своего сожительства с маньяком.

Началось с того, что группа студентов, в которой училась Югинна, посетила городскую тюрьму. Учились они на юристов, посещение тюрьмы входило в план занятий, что-то вроде практики. Разгорелся спор на тему: можно ли в короткий срок – за пару месяцев – полностью изменить мировоззрение преступника; например, маньяка-изверга превратить в скромного смиренного гражданина?

Поскольку Югинна на своём факультете была девушкой видной и авторитетной, то не стоит удивляться, что она оказалась в числе зачинщиков спора. В пылу словесной перепалки она пообещала: дайте мне вашего маньяка, и я его перевоспитаю в считанные дни. Спор этот ни к чему конкретному не привёл. Молодые люди пошумели, покипятились, дали выход эмоциям и, – уже примерно через пятнадцать минут никто о теме спора не вспоминал. Только для Югинны

бурное обсуждение не прошло бесследно.

Беседа с заключённым маньяком – это её практическая работа. Ей предстояло сдать зачёт по данной теме. И вот девушка входит в камеру преступника, задаёт ему несколько стандартных вопросов, получает стандартные ответы, преподаватель ставит зачёт, поздравляет её с успешным окончанием семестра. Казалось, на этом всё и должно завершиться. Но факт оставался фактом: ровно через неделю студентка юрфака, дочь крупного полицейского чиновника помогла опасному преступнику бежать из тюрьмы.

По словам Югинны, они с маньяком очень мило провели три месяца на берегу озера.

Жили как дикие люди, ловили рыбу, варили её на костре. Общались как хорошие друзья. Она не напоминала ему о преступлениях, он был деликатен и заботлив. Она верит, что смогла изменить этого человека к лучшему, он больше никого не задушит, никого не съест. Расстались они по-хорошему: она дала ему денег, фальшивый паспорт.

И вот теперь эта девушка, в характере которой причудливым образом переплелись душевная доброта с некоторым нахальством, романтическая утончённость с высокомерием, смелость с наглостью, – она снова пропала. Странная девица вновь ушла из дома.

– От неё можно ожидать чего угодно, – инструктировал меня капитан О. Из чего следовало, что искать её тоже можно где угодно. Такие поиски могли продолжаться непомерно

долго.

И меня это устраивало. Я решил не возвращаться в офис и остаться в Гвинсиле на ночь. Я собирался искать двух девушек: Инглис и Югинну.

*

Каюсь, что в какой-то момент времени Югинна стала представлять для меня больший интерес, нежели Инглис. Такая экстравагантная девушка, которая способна провести три месяца в обществе опасного преступника, показалась мне более живой и колоритной личностью, чем та, которую с невероятными трудами выдумывал я сам.

Вскоре я немного поостыл, понимая, что имею дело с хитроумной программой окна, от которой можно ждать любых фокусов и не всегда добрых шуток. Я хладнокровно заставил себя принять простую истину: капитан О, как и Югинна, как и сам город Гвинсил – всё это лишь детали, составные части общего плана, в основе которого лежит моя фантазия.

Я могу выключить этот мир, если он чем-то прогневит меня, создателя. Находясь в Гвинсиле, я имею дело не с людьми, а с образами людей, с куклами, с которыми веду игру, – смешную и глупую игру в этом вымышленном мирке.

Мысль о том, что и сам я стал частью этого мирка, была мне неприятна, поэтому я решительно отметал все сомнения и страхи, постоянно убеждая себя в своём величии, могуще-

стве и силе.

Я вполне мог послать ко всем чертям капитана с его просьбами и предложениями, но не сделал этого исключительно по той причине, что сильно заинтересовался своей игрой, принял её правила и теперь с любопытством ждал продолжения.

Внимательно выслушав инструктаж капитана О, мы с Гилом покинули здание полицейского участка и отправились на поиски Югинны. Вернее, мы направлялись в гости к некоему Бадрису Бегису, одному из многочисленных приятелей девушки.

Мой славный город продолжал удивлять буквально на каждом шагу. Я становился свидетелем непонятных явлений. Сгорбленная старушка в широкополой шляпе находилась в двух шагах от нас. Она шла нам навстречу и, казалось, хотела о чём-то спросить, но исчезла. Просто исчезла.

– Гил, ты видел старуху?

– Нет, – спокойно отвечает мой спутник.

– Но ты не мог её не заметить, ты ведь почти столкнулся с ней нос к носу!

– Забудьте, – советует он.

Но я не могу забыть и продолжаю расспросы:

– Что это было? Она исчезла, пропала, растворилась в воздухе. Что с ней случилось, часто здесь такое происходит?

– Не забивайте голову ненужной информацией, – монотонно отчеканил Гил.

Дельный совет. Но, что мне делать, если в голове перемешалось всё подряд: мысли о девушках, мысли о делах, обрывки мыслей о законодательстве, о полиции, некстати вспомнился консультант Боря, потом ограбление антиквара. Как в этом сумбуре отделить полезное от бесполезного, нужную информацию от ненужной?

Я постарался продумать предстоящую беседу с Бегисом, но на ум ничего не шло. Слишком мало я знал об этом человеке. Он студент. Живёт у своих родителей. Единственный сын в семье. Маменькин сынок. Гил знает о нём чуть больше – ему известен адрес Бегиса. Если нам повезёт, то мы застанем его дома, а если нет – тогда будем искать, искать, искать.

– Вот он! – Гил остановился и вытянул руку вперёд, указывая на совершенно пустое место.

– Кто там? – я никого не видел.

– Бадрис Бегис переходит улицу. Скорее за ним, – поторопил меня Гил, – мы же упустим его.

Гил побежал. А я всё никак не мог заставить себя прибавить шаг, так как не видел смысла в погоне за пустым местом.

– Стоять, Бегис! – орал сержант, словно гнался за опасным преступником, а не за скромным свидетелем.

Я не стал вмешиваться в этот странный процесс и остановился. Если Гил видит Бегиса, то он его догонит и приведёт ко мне. Сержант исчез из поля зрения, и я остался в полном одиночестве. На улице не было ни души.

От нечего делать стал рассматривать вывески и витрины.

На противоположной стороне улицы красовалось: «Ткани у Тани». Далее располагался магазин игрушек, на витрине которого стояли метрового роста, если не выше, куклы – все почему-то в военной форме. Чуть правее от вывески магазина игрушек сияла надпись: «Явная проституция». Трудно было понять назначение этой вывески, ведь под ней ничего не было: ни двери, ни окна, совсем ничего, кроме сплошной кирпичной стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.